

Гарькин Игорь Николаевич

ассистент кафедры истории и философии
Пензенского государственного университета
архитектуры и строительства
dom-hors@mail.ru

ПЕНЗЕНСКАЯ ЕПАРХИЯ И ПРАВОСЛАВНЫЕ ДИССИДЕНТЫ

Аннотация:

В данной статье рассматривается феномен православного диссидентства в СССР во второй половине 1960–1970 гг. Священнослужители епархии Пензенской области, в первую очередь, архиепископ Пензенский и Саранский Феодосий, получали письма, обращения и т.п. оппозиционеров, документы архиепископа Алексия, отражающие официальную позицию РПЦ, и реагировали на них по мере возможности.

Ключевые слова:

СССР, Русская православная церковь, диссидентство, Пензенская область, епархия.

Garkin Igor Nikolayevich

Assistant of the History and Philosophy Department,
Penza State University of
Architecture and Construction
dom-hors@mail.ru

PENZA DIOCESE AND ORTHODOX DISSIDENTS

The summary:

The article considers a phenomenon of the orthodox dissidence in the USSR in the 1960–70-s. The priests of the Penza region diocese, primarily, the archbishop of Penza and Saransk Feodosiy, received letters, appeals, etc. from the oppositionists, the documents of archbishop Alexiy reflecting an official position of the Russian Orthodox Church, and answered them as much as possible.

Keywords:

USSR, Russian Orthodox Church, dissidence, Penza region, diocese.

Со второй половины 1960-х гг. в Русской православной церкви наблюдается «брожение снизу». Характерной особенностью временного отрезка второй половины 1960–1970-х гг. было то, что если ранее в целом РПЦ и верующие категорически расценивались как оппозиция советским властям, инакомыслие в советском обществе, то теперь уже в собственно православном духовенстве случился «раскол» на приверженцев и сторонников светских властей и «отступников», предателей, выразивших свое несогласие не только с действиями государственных структур, но и с практикой самого православного церковного «начальства».

В 1965 г. архиепископ Ермоген (А.С. Голубев), бывший управляющий Калужской епархии, вовлек в свою «раскольническую» деятельность некоторых архиереев Русской православной церкви и отправил совместное послание патриарху с призывом начать действовать «в защиту умирающей Церкви», в первую очередь, срочно найти возможности к изменению аномальной ситуации, сложившейся в Церкви после Архиерейского собора 1961 г., которая противоречит как церковным канонам, так и гражданскому законодательству. Под этим обращением подписался и Феодосий, архиепископ Пензенский и Саранский [1]. Деятельности Ермогена были посвящены работы А.Э. Краснова-Левитина. В этот же период В.В. Талантов разворачивает свою «антисоветскую» деятельность.

В том же 1965 г. московские священники Г.П. Якунин и Н.Н. Эшлиман обратились с «Открытым письмом патриарху» и заявлениями к руководству КПСС и советскому правительству. Их поддержали архиепископы Иркутска – Вениамин (С.В. Новицкий), Казани – Михаил (М.Д. Воскресенский), Новосибирска – Павел (Е.П. Голышев), Ташкента – Гавриил (Д.И. Огородников) [2].

Пензенская епархия также явилась участником церковного конфликта, связанного с деятельностью Г.П. Якунина и Н.Н. Эшлимана. 23 мая 1966 г. они обратились с апелляцией в Священный Синод по поводу их запрещения в служении. В июле 1966 г. Святейший архиепископ Алексий призвал управляющих епархиями высказаться об «Апелляции» православных диссидентов. Архиепископ Пензенский и Саранский Феодосий в «Прошении» фактически выступил на стороне запрещенных в богослужении священнослужителей, заявив, что, не пытаясь принципиально разбирать точки зрения названных Г.П. Якунина и Н.Н. Эшлимана о состоянии Русской православной церкви, сложившемся после решений Архиерейского Собора 1961 г., поскольку это, в общем-то, прерогатива Первосвятительской компетенцией Алексия и Архиерейского Собора, Феодосий смеет «обратиться с почтительнейшим прошением о помиловании запрещенных священников». По мнению Феодосия, «вина» священнослужителей Г.П. Якунина и Н.Н. Эшлимана состоит в «несправедливых упреках, в недопустимо дерзком обличительном тоне их письменных обращений, оскорбительной и бестактной форме выражения своих мнений и в некотором самомнении в деле отстаивания правды Церковной». Далее Феодосий продолжал, что насколько он в состоянии вникнуть в мотивы их действий, вызвавших запрещение их в священнослужении, то эти побужде-

ния вытекают из свойственных молодости максимализму, горячности, несдержанности, а на самом деле двигала ими лишь любовь к Русской православной церкви и забота о ее благосостоянии [3].

Феодосий вскоре опомнился и буквально через три месяца сделал совершенно обратное по содержанию заявление. В связи с бурной реакцией Запада на «Открытое письмо» Эшлимана и Якунина, он высказался следующим образом: «Об этих письмах стало известно за границей. А это уже плохо. Когда мы обсуждаем сами свои внутрицерковные дела, – это одно дело. Другое дело, когда все это попадает за границу, где используется во вред церкви и государству» [4].

В октябре 1966 г. к архиепископу Пензенскому и Саранскому Феодосию по почте пришло письмо от верующих Кировской епархии – Б.В. Талантова, И.С. Халявина и других, которые в резкой форме осуждали руководство Русской православной церкви, заявляя, что в настоящее время РПЦ находится в бедственном состоянии, уничтожаются христианские семьи и никто не беспокоится об укреплении православных основ семейной жизни. Авторы писали, что христианская вера никак не защищена от нападков атеистов, а епископы фактически превратились в государственных чиновников, получавших зарплату от своей паствы. По мнению Б.В. Талантова, И.С. Халявина и других, реальная деятельность патриархии, начиная с 1960 г., была нацелена на то, чтобы все епископы и священники стали послушным орудием в руках антицерковных властей: «Служители церкви внешне служат Богу. А делами своими открыто нарушают заповедь Божию: «Пустите детей приходить ко мне и не препятствуйте им. В Русской Православной церкви нет справедливого суда» [5].

Авторы письма требовали прекращения вмешательства государственных чиновников в хозяйственно-финансовые дела приходов, в назначение и увольнение епископов и священников, в перерегистрацию двадцаток и выборы церковных советов и старост; возвращения верующим всех незаконно закрытых храмов и монастырей и разрешения церковного звона; восстановления права беспрепятственного совершения треб на дому, права исповедаться и причащаться детям школьного возраста; начать подготовку к созыву Поместного Собора Русской Православной церкви и т.д.

Спустя два года (1968 г.) в Пензенскую епархию поступило анонимное письмо (№ 96 от 09.07.1968 г.), составленное в форме молитвы:

«Господи, <...> усердно молим и просим ТЯ:

Да восторжествует, всемерно возрастет, расширится и укрепится Церковь Твоя Святая в земле Русской.

Да обрящет отделенная от государства Церковь полную независимость и самостоятельность во всем своем внутреннем управлении, и отчетность снизу доверху, да избавится на местах от грубого произвола, насилия, преследований и недопустимого административного вмешательства в ее внутреннюю жизнь, устройство и распорядок, в нарушении издревле установленных святых канонов Церкви.

Да снова откроются все, насильственно административным порядком закрытые святые храмы на земле Русской.

Да полностью восстановятся все разрушенные, обезображенные, оскверненные, обесчещенные, превращенные в мерзость запустения святые храмы в городах и сельских местностях...» [6].

В конце 1960-х гг. были распространены документы «Комитета восстановления прав церкви», в которых резкой критике подвергались руководители РПЦ. Их «вина» заключалась в том, что они не в полной мере защищали интересы церкви перед государством, не поддерживали требования расширения миссионерской деятельности и увеличения количества духовных учебных заведений и слушателей в них и прочее [7].

В 1969 г. к управляющему Пензенской епархией епископу Поликарпу пришло по почте анонимное письмо «Пятидесятилетие восстановления патриаршества в Русской Православной церкви», подписанное «Верующий». В послании юбилей 50-летия восстановления Патриаршества в Русской православной церкви назывался праздником для иностранцев, так как отечественных священнослужителей не только не пригласили для участия в торжествах, но и не сообщили им об этом, епископы узнали о праздновании из сообщений СМИ. По мнению «Верующего», митрополит Никодим являлся личностью темной и загадочной; Никодим в период подготовки к юбилею благоустраивал Троице-Сергиеву Лавру, при этом тратя церковные деньги на то, чтобы «создать видимость внешнего церковного эффекта» [8]. Автор утверждал, что российские православные верующие нисколько не сомневаются в том, что митрополит Никодим действует в разрез с интересами Церкви. Никодим талантливый и энергичный, свои способности он применяет во вред Русской православной церкви. «Верующий» писал, что Церковь находится в тяжелейших условиях, контролируется и ограничивается светскими органами, напрямую заинтересованными в уничтожении РПЦ; «епархиальная жизнь находится в положе-

нии полнейшего застоя». Автор отрицательно оценивал документы 1961 г., поскольку, согласно им, у священнослужителя была отнята главная его функция – апостольство, а то, что еще осталось у приходского служителя православного культа, зависело от воли местного исполнительного органа – «нанимателя». В итоге автор приходил к печальному выводу: «Для чего же бесстыдная ложь и вероломство? Их цель – обман заграничного общественного мнения, затушевание печальной действительности, чтобы ввести в заблуждение всех, не знающих истинного положения русской церковной жизни, чтобы облегчить атеизму борьбу с Церковью. Все эти Никодимы, Ювеналии и иже с ними правильно поняли свою задачу и идут в одной шеренге с теми, кто поднял руку на Христа и Его Церковь» [9].

Спустя некоторое время управляющему Пензенской епархией епископу Поликарпу пришло еще несколько анонимных посланий. Авторы одного из писем – «Заявления» акцентировали внимание на своей лояльности к существовавшему политическому режиму и подчеркивали собственную аполитичность. В «Заявлении» говорилось, что несколько епископов под руководством Никодима осознанно и по заранее разработанной схеме ускоряли разрушение церковной жизни в Советском Союзе, и поэтому требуют срочные и решительные меры; необходимо принципиальное переустройство на базе церковных канонов и условиях государственного религиозного законодательства непосредственно как в самом управлении РПЦ, так и в приходах на местах в регионах. Предлагалась своего рода программа немедленных действий:

«1. Патриарх должен добиться приема у председателя Совета Министров СССР и доложить ему о серьезности положения Русской православной церкви в Советском Союзе и просить о принятии мер со стороны правительства о пресечении вредной для Церкви со стороны Совета по делам религий при Совете Министров СССР и Уполномоченных его на местах деятельности, являющихся полноправными диктаторами всей церковной жизни.

2. Вопрос о духовном образовании.

а) Необходимо немедленно возобновить действие закрытых духовных семинарий и открыть новые там, где этого потребует жизненная необходимость.

б) Устранить все препятствия, существующие ныне на местах, к допущению молодежи в духовные школы, предоставив им общие права с поступающей молодежью в другие заведения страны.

в) Открыть духовную Академию в Киеве.

г) Открыть две духовные семинарии для Белоруссии и одну в городе Вильнюсе для Прибалтийских республик.

д) Открыть хотя бы две духовные семинарии для Сибири в Иркутске и в Новосибирске.

е) Открыть псаломщическо-регентские курсы при духовных семинариях и академиях или при епархиальных управлениях немедленно» [10].

Таким образом, большая часть священнослужителей православного культа стремилась к компромиссу с советскими властями, но некоторые верующие и священники в Русской православной церкви со второй половины 1960-х гг. явно становились в оппозицию не только к светскому государству, но и к руководству собственно РПЦ. Но не они играли «первую скрипку» в диалоге «власть-Церковь». Кризис 1970–1980-х гг. практически знаменовал их исчезновение с конфессионального поля. Основной же массив верующих находился вне зоны конфликта, для большинства из них Церковь была монолитной. И именно в РПЦ им предоставлялись возможности для самореализации, – находили отклик своих духовно-нравственных порывов в душах единомыслителей и т.д.

В среде пензенских православных верующих религиозных диссидентов не наблюдалось, но руководство епархией было знакомо с их оппозиционной деятельностью и должно было адекватно реагировать на их активность, то есть осуждающе.

Ссылки:

1. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 43. Л. 131, 133.
2. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 89. Л. 4.
3. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 183. Л. 59.
4. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 280.
5. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 49. Л. 281.
6. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 59. Л. 144–146.
7. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 89. Л. 5.
8. ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 4714. Л. 55.
9. ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 4714. Л. 56, 100.
10. ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 4714. Л. 100–102.

References:

1. SARF, f. 6991, op. 7, d. 43, l. 131, 133.
2. RGANI, f. 5, op. 63, d. 89, l. 4.
3. SARF, f. 6991, op. 7, d. 183, l. 59.
4. GAPO, f. 2392, op. 1, d. 49, l. 280.
5. GAPO, f. 2392, op. 1, d. 49, l. 281.
6. GAPO, f. 2392, op. 1, d. 59, l. 144-146.
7. RGANI, f. 5, op. 63, d. 89, l. 5.
8. GAPO, f. 148, op. 1, d. 4714, l. 55.
9. GAPO, f. 148, op. 1, d. 4714, l. 56, 100.
10. GAPO, f. 148, op. 1, d. 4714, l. 100-102.